

В. Г. Безрогов

УЧИТЕЛЬ
В ДИАЛОГЕ ЭЛЬФРИКА
ИЗ ЭЙНШАМА¹

УДК 37.01(410)08/10”

ББК 74.03(4Вел)41-218+76.103(4Вел)41,215.4

Рассмотрен образ учителя в структуре жанра средневекового учебного школьного диалога в X–XI веках на примере педагогических памятников англо-саксонской культуры. Основное внимание уделено «Беседе для упражнения мальчиков в латинской речи» Эльфрика Грамматика из Эйншама (ок. 955 – ок. 1010). Показана эвристическая ценность анализа истории учебных пособий для истории педагогики как дисциплины.

Ключевые слова: учитель; учебник; начальное обучение; раннее Средневековье; Британские острова.

V. G. Bezrogov

MAGISTER IN THE AELFRIC'S «COLLOQUY»

An early medieval school textbook was investigated as a source about figure of teacher in monastic school in the British Isles. The “Colloquy” written by Aelfric of Einsham and expanded by Aelfric Bata might be seen as a model of a Latin teacher status in the non-Latin region.

Key words: teacher; manual; elementary education; early Middle Ages; the British Isles.

К рубежу первого и второго тысячелетия н.э. история педагогической практики поколений учителей и наставников накопила уже свыше сотни различных учебников (глоссариев и просто словарей, разговорных пособий и диалогов, грамматик, от-

дельных трактатов о глаголе, таблиц склонений, грамматических упражнений, алфавитов, максим, отрывков из кодекса Юстиниана, индексов к нему и юридических определений с комментариями для введения в изучение римского права, параллельных худо-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00123а.

жественных и религиозных текстов на двух языках; а также различных вариантов комбинирования указанных в этом списке жанров учебных пособий)¹. Роль учителя особенно явно видна в диалогах.

«Школьные диалоги» как вид пособия возникли еще в древнем мире. Фразы и сценки, которые ученики могли запоминать, копировать, переводить (с одного языка на другой), изучать, комментировать и даже разыгрывать как пьесы — служили развитию их словаря, навыка чтения, чувства стиля, способности хорошо говорить, правильно и красиво излагать мысли. Эти же диалоги рассказывали о мире и о месте в нем разных людей. Они же и веселили, предоставляли ученикам отдых от напряженного заучивания слов, текстов, мелодий.

Одним из первых средневековых учебных диалогов может считаться сочинение *De Raris Fabulis* («О редких историях»), сохранившееся в рукописи второй четверти X в. Речь в нем идет не только собственно о занятиях, но и о «домашней» жизни ученика («Вставай, вылезай из кровати, уже время, если ты только собираешься сегодня встать. Я действительно поднимаюсь, дай мне мою одежду, и я встану. Покажи, где твоя одежда», далее обсуждаются разные части одежды и обуви, их месторасположение, и т. д.). Скорее всего,

изображена монастырская школа, где ученики живут «по месту учебы» («Доброе утро, бегите на речку, к источнику, к роднику»). В диалогах осваивающие латынь обращаются друг к другу как «брат» и «друг», например, прося о помощи и отказывая в ней по причине занятости: «*Ofrater, ueuimecumadmeamnyssessitatem. Non ibo, frater, quia non facile est mihi, quia aliud opus ocurbuit mй. Audi, amice, nolistareintermй etlucem*». Предполагается, что сочинение было создано в Корнуолле, затем распространилось по Британским островам и в Бретань². Памятник содержит более двух десятков отдельных диалогов, цель которых — обучить ученика разговорной латыни. Обсуждаются такие темы, как власть и фигура короля, епископа, аббата, паломничество в Рим, войны между бриттами и саксами, но центр — жизнь в монастыре, где-то в Уэльсе либо Корнуолле. Среди действующих лиц — епископ, священники (пресвитеры), клирики, миряне (пастухи и масса разного иного люда), студенты, слуги и служанки. Монахи едят, молятся, обучаются, отправляются в паломничество. Собеседникам приходится просить об еде, одежде и обуви, приходится торговаться, спрашивать дорогу, обмениваться новостями с дружески настроенными людьми, желая получить у них ночлег.

¹ *The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodosipheana*. Vol.1. Ed. by E. Dickey. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. p. 7–10.

² *Falileev, Alexander*. *De raris fabulis* // *Celtic Culture. A Historical Encyclopaedia*. Ed. by John Koch. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. Vol.1. P. 575–577; Gwara, Scott. *Diogenes the Cynic in the Scholastic Dialogues Called Derarisfabulis* // *ANQ: A Quarterly Journal of Short Articles, Notes and Reviews*. 2004. Volume 17, Issue 1. p. 3–6.

Второй, родной язык присутствует только в маргинальном варианте — в глоссах, но тематика уже приближена к реалиям Северной Европы. Текст содержит наряду с диалогами фрагменты словаря, применяет способ обучения через смену слов во фразе на синонимы. Такой прием обучения языку при ограниченности числа обсуждаемых тем и расширения вариантов словарного запаса встречается нередко в раннесредневековых латинских пособиях, составленных и распространявшихся на территориях, где латынь не считалась родным наречием, но освоить которое местное население активно стремилось, почитая за язык мудрости и веры.¹

Творческим развитием *Derarisfabulis* стали *Deraris fabuliretractata* и сочинение повышенного типа сложности *Colloquiumhispericum*.² «О редких историях пересмотренное» демонстрирует принципиальную вариативность данного дидактического жанра, когда вокруг одного набора тем могло выстраиваться разнообразное и далеко не всегда идентичное другим версиям таких пособий содержание.³ Впоследствии на данное сочинение будет опираться Эльфрик Бата в XI в., сочиняя свои «школьные диалоги» с помощью метода «отталкивания от намека или строчки», когда выбираются из диалога как части сочинения предшественника одна-две строки из

нескольких десятков, и вокруг них выстраивается собственное дидактическое обучающее и назидательное произведение.

Сочинение «О редких историях» и основанные на нем вариации открывают собой серию бесед, составленных, записанных и прокомментированных учителями, обеспокоенными незнанием своими учениками латинского языка. Десятое столетие оказывается богатым на такого рода дидактические памятники. Рукопись Kk. 5. 34 (Cambridge UL) на листах 71r-80r содержит три поэмы, записанные в Винчестере при Этельвольде (904/9-984), две из которых представляют спор учеников с учителем: *Altercatio magistri et discipuli* («Спор учителя и учеников») и *Responsiodiscipuli*. Они составлены, скорее всего, между 975 и 994, поскольку третья (*Carmendeliberoarbitrio*) упоминает недавнюю смерть короля Эдгара в 975, а другая (*Altercatio*) была известна Вульфстану, упомянувшему ее в 994 году. *Altercatio* и *Responsiodiscipuli* обращены к наставнику Йоруэрту и составляют две части одного диалога. В первой показан разговор между раздраженным учеником и надутым учителем. Вторая начинается с утвердительной речи ученика и продолжается вновь разгоревшимся горячим спором с наставником. В *Altercatio* ученик упрекает магистра в плохом знании древней поэзии, сочинении

¹ Гесперийские речения. Пер. Д. Б. Шабельникова. СПб.: Алетея, 2000. С. 59.

² *Gwara S. Latin Colloquies from Pre-Conquest Britain*. Toronto: Pontifical Inst. of Mediev. Studies, 1996; Winterbottom M. On the Hisperica Famina // *Celtica*. 1968. 8. p. 126–139; Гесперийские речения...

³ *Stevenson W. H., ed. Early Scholastic Colloquies*. Oxford: AMS Press, 1929.

посредственных стихов, постоянном их декламировании ученикам и одержимости тщеславием.¹ Учителя призывают прекратить уничивать древних поэтов, умерить язвительную и сварливую раздражительность, изничтожить собственную лень, перестать искажать истину ложными наставлениями и научениями, правильно разделять и анализировать слова и композиции. Его стремятся пробудить целой серией отрицательных эпитетов, обращенных к нему ради его же спасения от вечного адского пламени и преисподни, если он будет продолжать вести себя таким же образом и так же плохо учить своих учеников. Не принимая ответа учителя, ученик разъясняет массу сложных вещей, связанных с поэтическими и музыкальными ритмами, к чему наставник прибавляет лишь знание числа дней в году. Поэмы составлены с большим знанием различных уровней значений слов, их корней, этимологии, аллитерирования и т. д. Вероятно, они представляют собой своеобразный «перевертыш», призывающий одновременно и магистров, и их подопечных не ослаблять своих занятий.

Одной из весьма значимых фигур Винчестерской школы X столетия был Эльфрик Грамматик из Эйншама

(ок. 955 — ок. 1010). Обученный бенедиктинцами Винчестера и, приобретя уже там репутацию ученого человека, Эльфрик был отправлен преемником Св. Этельвольда Св. Эльфегом (954—1012) в 987 году учительствовать в только что основанное Сернелское аббатство в Дорсете, а в 1105 году поставлен аббатом монастыря в Эйншама примерно в 120 км от Сернела. Основными педагогическими работами Эльфрика стали «Грамматика», в которой латынь объясняется с помощью староанглийского (в западносаксонском варианте), «Словарь» и «Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи».² Усилия наставника были направлены на обучение христианской латыни, в том числе с помощью диалогов и драматизации преподавания. Перед собственно тривиумом и квадривиумом требовалась начальная и довольно серьезная языковая (грамматика, синтаксис, лексика, морфология, фонетика) подготовка в латыни как не родном языке для обучавшихся в монастырских школах Англии. Интересно, что построение латинских фраз в текстах Эльфрика во многом следует синтаксису древнеанглийской грамматики, а не латинской, хотя текст дан на латыни.³

¹ Howlett D., Harvey A. An attack on the Welsh master Iorwert // *Archivum latinitatis medii aevi*. 1994. Bd. 52. p. 281–285.

² Эльфрик Грамматик. Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи, составленная впервые Эльфриком, а затем распространенная его учеником Эльфриком Батой. Пер. И. И. Варьяш // *Антология педагогической мысли христианского Средневековья*. Т. 1. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 366–373; Garmonsway, G. N., ed. *Ælfric. Colloquy*. Exeter: University of Exeter, 1999; Throop, Priscilla, trans. *Ælfric's Grammar and Glossary*. Charlotte, VT: MedievalMS, 2008; Zupitza, Julius. *Ælfrics Grammatik und Glossar*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1880.

³ Harris, Stephen J. *Ælfric's Colloquy // Medieval Literature for Children*. Ed. by D.T. Kline. N.Y.-L.: Routledge, 2003. p. 114.

«Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи» по сюжету происходит между наставником (*magister*) и учениками (букв. «детьми», *pueri*) монастырской школы в воскресенье, т. е. представляет собой как бы дополнительное занятие вне основного «учебного плана». В рукописи, взятой за основу критического издания памятника 1939 года (British Library, MS Cotton Tiberius A iii, fols 60v-64v), она содержит 315 строк. Найдено 4 рукописи, с разными версиями и в разной степени сохранности. Манускрипт ATiberiusIII содержит наиболее полную версию. В ней латинский текст пособия снабжен максимально возможным числом глосс на англо-саксонском языке, превращающих рукопись почти в билингвальный учебник рукой преемника (сам Эльфрик не вносил англосаксонских глосс). Рукопись, скорее всего, была доступна преимущественно, по-видимому, только учителю, который ее читал и комментировал, но мог давать списать отдельные строки ученикам для заучивания. Композиционно 315 строк полного варианта делятся на 8 неравных частей: строки 1–10: вводная часть, говорящая о том, что дети рады совершенствоваться в латыни, особенно если они за это еще и не получают розог; 11–21: учитель спрашивает одного из учеников, кто он; тот отвечает, что он уже принял обет, а вот все остальные — это пахары, пастухи, овчары, охотники, рыбаки, птицеловы, купцы, сапожники, солевары, пекари; 22–202: учитель спрашивает поочередно каждого из названных, и тот кратко повествует о своем заня-

тии; 203–210: учитель хвалит монаха за то, что у него такие хорошие и нужные товарищи, спрашивает о другой группе (ремесленники, кузнецы, золотых, серебряных и медных дел мастера, плотники и т. д.) и выясняет, что никому из них не обойтись без мудрого советника; 211–243: учитель выясняет у мудреца, какой профессии отдать первенство, и советник, отбиваясь от претензий кузнеца и плотника, присуждает его пахарю, но мирит всех остальных тем, что все они нужны и важны, занимаясь «тем, что ты есть»; 244–265: учитель спрашивает у мальчиков, понравилась ли им беседа, выясняет, что они учатся для того, чтобы быть мудрыми, причем истинно, а не лицемерно.

266–307: часть, связанная с выяснением распорядка дня учеников монастырской школы; 308–315: заключительные увещания учителя детям быть почтительными, смиренными, молитвенными, благопристойными, противиться заблуждениям и постигать божественные науки.

Долгое время в историографии полагали, что в диалоге изображены реальные лица — носители соответствующих профессий. В таком случае школа, где проходило применение такого пособия, оказывалась внемонастырской, учитель — светским лицом, а учениками — его многочисленные соседи, приходившие на дневные уроки. Собрать такую пеструю команду (перечислены представители 16 профессий) под силу лишь большому городу, причем прибрежному, поскольку среди участников диалога есть рыбак, ежедневно отправлявшийся в море.

Подобные условия явно противоречили той местности, в которой находились аббатства, где в те или иные годы пребывал Эльфрик. Однако описаны профессии настолько убедительно и реалистично, подчас с юмором над самими собой, и при этом настолько хорошо вписаны в картину социальной жизни и иерархии того времени, что даже корифеи в истории образования, как Артур Лич (1851—1915) писали о детях «всех занятий», о «явно светском учителе», о школе, не замкнутой монастырской жизнью, якобы видной в «Беседе» Эльфрика.¹ Однако речь в тексте идет о внутренней монастырской школе, а представители разных профессий — выведенные наставником роли, которые, по-видимому, заучивали и исполняли ученики от 7 до 11 лет.²

Диалог, содержащий элементы театрализации, когда дети отвечали за людей, занятых во взрослой жизни тем или иным делом, с которыми насельникам монастыря неизбежно приходилось встречаться в миру, написан на латыни простыми, но стилистически правильными фразами (без влияния народного либо профессионального жаргона). Часто встречаются повторения одного и того же слова в разных формах, со слегка увеличивающейся словарной и фразеологической сложностью от начала к окончанию всего текста. Мальчики

это замечают и одергивают наставника, поэтому завершение текста идет на основе знакомого им словаря монастырской жизни. Эффект одобрения через драматизацию в начале беседы меняется в ее конце на одобрение успешным проговариванием простого и посильного. Прорабатывавшие такое сочинение ученики получали и знания об окружавшем их мире, и знание форм неродного им языка, даже различных стилей — повествования, вопрошания, возражения, убеждения, согласования мнений. На основе преимущественного внимания к устной, а не к письменной речи (отсюда сама значимость повторяемого, выучиваемого и разыгрываемого диалога) они овладевали навыками латинского словоупотребления и произношения, необходимыми им для исполнения и понимания латинских богослужебных текстов.

Эльфрик рисует образ учителя, уделяющего первое место на «сцене педагогического говорения» не себе, а своим ученикам. Учитель коротко спрашивает, дети подробно отвечают. Одно из мест диалога вообще содержит завязавшуюся беседу учеников между собой, без участия дирижера-наставника. И только дважды, сначала после обсуждения профессий всех «собранных», а затем в эпилоге учитель позволяет себе многословные речи. Первая связана с тем, что он

¹ *Leach A. F. Educational Charters and Documents 598 to 1909. L., 1911. P. XVI; Leach A. F. Schools of Medieval England. L., 1915. P. 91; также см.: Cunningham W. Growth of English Industry and Commerce during the Early and Middle Ages. Cambridge, 1910. P. 131; Cruse A. The Shaping of English Literature. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1927. P.70; Coulton G. G. Social Life in Britain. Cambridge, University press, 1918. P. 54.*

² *A Companion to Aelfric. Ed. by Hugh Magennis & Mary Swan. Leiden: Brill, 2009.*

показывает наличие единой негативной основы у всех взрослых людей и одновременно предупреждает от уклонения к ней: «Хотите ли вы быть фальшивыми и многоликими, ловкими во лжи, лукавыми в речах, изворотливыми, хитрыми, хорошо говорящими, но плохо думающими, покоряющими сладкими словесами, но ослабляющими внутренним обманом, подобными гробнице, украшенной снаружи, но изнутри полной зловонием?» Конечно, ученики не хотят такими быть, желают быть «простодушными без лицемерия и мудрыми, дабы избегать зла и творить добро». ¹ Дальнейшая часть диалога завершается выводом учителя о том, что обучение «божественным наукам» и воспитание в монастыре есть сбалансированный и верный путь к сформулированной детьми цели.

Вниманием к речи самих учеников «Беседа» Эльфрика значительно отличается от многих её предшествовавших и последующих школьных диалогов, в которых форма диалога, по сути, не уходит далеко от учительского монолога и впитывания его учениками. У Эльфрика англосаксонский учитель обучает активному построению (пусть сначала заученному наизусть) латинской речи, подсказывает при необходимости нужные слова и их формы, сообщает эквиваленты на родном языке обучающихся. Учебный глоссарий и глоссы в тексте самой «Беседы», а также доминанта

текста, говоримого учениками, свидетельствуют о таком педагогическом подходе. Самостоятельная активность говорящих на латыни учеников достигается угрозой физического наказания за нерадивость, причем дети требуют (по тексту «Беседы») такого наказания, предпочитая быть битыми и обученными, нежели невежами.

Интересно, что преемники чувствовали недостаточность ученической памяти на латинские слова. Относительно быстро после составления Эльфриком «Беседы» неизвестное лицо добавило к ней подробные глоссы на англо-саксонском, создав, по сути, двуязычное пособие в виде диалога. Ученик же Эльфрика из Эйншама, тоже Эльфрик (Эльфрик Бата; по-видимому, часть его жизни прошла в Винчестере при учителе, а часть — в Кентербери, где Бата уже сам стал наставлять монастырских *oblati*) расширил основную часть беседы, введя обсуждение других латинских слов из тематического словаря, подготовленного еще его учителем, меняя порядок слов, показывая возможности свободной расстановки слов в предложении, характерной для латыни и чуждой староанглийскому. Существуют три рукописные версии «Беседы» — краткая, средняя и пространная. Увеличение текста произошло Батой в средней и пространной версиях в основном за счет удлинения уже имевшихся фраз (вставлялись

¹ Эльфрик *Грамматик*. Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи, составленная впервые Эльфриком, а затем распространенная его учеником Эльфриком Батой. Пер. И. И. Варьяш // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. I. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 371 с изм. ² Там же. С. 419

³ Та же. С. 417

детали, увеличивались перечисления, демонстрировались лексические альтернативы, категории вспомогательных функциональных слов и т.п.). Краткое пособие-диалог стало таким образом более обширным, причем пространная версия объединила достоинства краткой и средней. Изучение латыни опиралось на знание староанглийского, но шло дальше. Задания давались сложнее, чем ученики могли выполнить их на своем родном языке. Детальное обучение преследовало целью прежде всего беглость разговора, развитие коммуникативных навыков в монастырской среде, где, по всей видимости, многие сферы даже повседневной жизни обсуждались на латыни. Грамматика, словарь, беседа на разные темы выступали тремя китами начального латинского образования на протяжении всего Средневековья и Возрождения.

Главная цель диалогов — отнюдь не воспитание почтения к наставнику, рецептивного мышления и бессловесной дисциплины, а введение в латинский мир монастырской повседневности, обучение словарю, грамматике, лингвистическим коммуникативным навыкам. Конечно, без разрешения наставника ученик не может ни поиграть, ни заняться никаким иным делом, ни даже помочь другому монаху. Но широта целей сочинения не исчерпывалась приучением мальчиков такому порядку вещей. В их спектре присутствует, например, такая важная функция, как описание и введение (учеников, новичков, любой аудитории) в монастырскую и околмонастырскую жизнь.

Эльфрик из Эйншама в своей «Беседе» обращал внимание учеников на деятельность различных людей, живущих вокруг монастыря. Каждый из обрисованных в диалоге шестнадцати представителей разных профессий (озвучивавший/игравший его роль ученик) стремится убедить аудиторию в важности именно его занятия. Преемник наставника Эльфрик Бата концентрируется уже на изучении словаря, необходимого для общения внутри монастыря, для полноценного участия в его внутренней жизни. Последовательность бесед строится у Баты в соответствии с расписанием дня в обители: ранний подъем и одевание к заутрене, утреннее умывание рук и лиц (беседы 1–2), школьные занятия (3–5), беседа 6 — подведение итогов, короткое время игры с обручем перед вечерней службой (7), вечерняя трапеза (8–9), подготовка ко сну (10), беседы 11 и 12 демонстрируют переход к следующему дню, с отправкой аббатом дежурного мальчика будить ризничего для приготовления всех к утренней службе. Следующие беседы посвящены отдельным темам и проблемам: воспитанию брата, не встающего к заутрене (13), помощи в очинке пера/стиля (14), просьбе к наставнику помочь понять трудный текст (17), названиям дней месяца (22), купанию (23), копированию рукописей (24), названиям инвентаря, личных вещей, домов в монастыре (27) и др. Всего в первой группе бесед Баты 29 диалогов, в повышенной по степени языковой сложности второй части — 13 диалогов.

Эльфрик Бата, как и Эльфрик из Эйншама, конструирует школу с одним учителем из монахов, поставленным братией заниматься школой и обучающимися в ней. Магистр проводит с детьми не весь день. В его отсутствии они делают уроки, причем друг другу помогают и подгоняют, поскольку за нерадивость одного наказывают всех. Наставник выбирает помощника (-ов) среди наиболее подготовленных и подросших детей. На время своего отсутствия именно ему (им), а не другому монаху, поручается надзор за детьми (беседы 6 и 20). Трудно сказать, насколько ситуация с помощником действительно соответствовала реальному положению дел, поскольку она взята из «*Derarisfabul isretractata*»¹. Наиболее частыми проступками указаны у Баты воровство и самоволки. Ученики часто просят за провинившегося, чтобы ему смягчили наказание, но иногда объединяются с наставником в отношении, скажем, воровства и соучаствуют в наказании собрата (беседа 28). Между учениками нет дружеских отношений. Они вынуждены помогать друг другу во избежание наказания, но отказывают в просьбе дать книгу, заявляя, что им безразлично, есть ли у собрата своя или нет (беседа 3). В основном, живущие и обучающиеся в монастыре должны были сами заботиться о своей одежде и других необходимых повседневных вещах, комбинируя собственную предприимчивость с ресурсами монастыря и семьи, с каковой они не порывали полностью, как обычно

представляется (беседы 21, 23, 26). Бата не высказывается определенно, проходило ли обучение до принятия обета либо после, хотя вынесение проступков школяров на рассмотрение капитула, отсутствие отличий в режиме их жизни в сравнении с взрослыми насельниками монастыря косвенно свидетельствует о монашеском статусе учеников. Вполне вероятно, что состав учеников мог быть смешанным.

Заучивание выступает доминирующей практикой научения в монастырской школе. Обучение опирается на Библию (прежде всего, Книгу Притчей), Дистихи Катона и тексты св. Бенедикта. Трудности, возникающие у школяров, уже не связаны с элементарным уровнем языка. Льстит ли своей аудитории Бата, мы затрудняемся сказать однозначно, но явно все же, что изображенные в его диалогах ученики уже освоили начальную стадию латыни и заняты, в частности, пополнением словаря и постижением усложненных фразеологических конструкций. Письмо, которым также занимаются обучаемые, есть письмо на латыни. Оно явно требует понимания прочитываемых элементарных латинских предложений. Их усложнение в чтении идет параллельно с освоением письма. Для этого к услугам школяров весь арсенал монастырского скриптория, который Эльфрик Бата скрупулезно перечисляет — в том числе ради запоминания его подопечными соответствующих латинских слов. Обучение письму начиналось с помощью восковой дощечки (беседа

¹ *Stevenson W. H.*, ed. *Early Scholastic Colloquies*. Oxford: **AMS Press**, 1929. P. 21–22.

14). Ученик должен был делать на ней пометки в то самое время, когда он «поет, читает, повторяет выученное». Визуальные знаки получали таким образом ментальную прописку в памяти, однако обучение шло трудно и медленно. Письменное искусство показано важным и вознаграждаемым — духовно и материально — делом (беседа 24). Для писца требуется знание грамматики — потребность в нем не объясняется (беседа 16). Вероятно, речь идет о контроле при копировании манускриптов: понимающий строй языка быстрее пишет и лучше избегает ошибок, нежели не разбирающийся в грамматике и вынужденный каждое слово сверять с образцом.

Бата обучал чтению, словарю и грамматике, письму. Он любил хорошо выпить и закусить, часто шутил и старался соблюдать собственные интересы — насколько ему позволяла жизнь в монастыре. Описанные в сочинениях его собственные дивации от образа наставника как образца, который складывался в монастырской

культуре на основе бенедиктинского устава, позволяют предполагать, что Бату ценили и держали при мальчиках в основном лишь за его познания в латыни. В условиях борьбы в Кентерберии разных групп монахов за власть такой персонаж вполне мог найти себе нишу для небедного существования в профессии учителя монастырской школы. Не будь он учителем, Бата вполне сгодился бы на роль прототипа монаха-отшельника из романа Вальтера Скотта «Айвенго»...

Итак, учебные пособия раннего Средневековья рисуют образ учителя и наставника в монастырской школе, который во многом отличается от образа учителя в педагогических трактатах этого же времени. Неотрефлексированный взгляд составителей таких пособий на самих себя, который так или иначе проявился в их дидактических произведениях и который современный историк педагогики может увидеть, является важным дополнением общей картины всемирной истории образования.

Список литературы

1. Гесперийские речения. Пер. Д. Б. Шабельникова. — СПб. : Алетей, 2000. — 384 с.
2. Эльфрик, Грамматик. Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи, составленная впервые Эльфриком, а затем распространенная его учеником Эльфриком Батой. Пер. И. И. Варьяш / Грамматик Эльфрик // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 1. — М. : Аспект-Пресс, 1994. — 352 с.
3. A Companion to Aelfric. Ed. by Hugh Magennis & Mary Swan. — Leiden: Brill, 2009. — 480 p.
4. Coulton, G. G. Social Life in Britain. — Cambridge, University press, 1918. — 540 p.
5. Cruse, A. The Shaping of English Literature. — New York: Thomas Y. Crowell Company, 1927. — 314 p.
6. Cunningham, W. Growth of English Industry and Commerce during the Early and Middle Ages. — Cambridge, 1910. — 716 p.

7. Falileev, Alexander. *De raris fabulis // Celtic Culture. A Historical Encyclopaedia*. Ed. by John Koch. — Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. — Vol.1. — P. 575–577.
8. Garmonsway, G. N., ed. *Ælfric. Colloquy*. — Exeter: University of Exeter, 1999. — 64 p.
9. Gwara, S. *Latin Colloquies from Pre-Conquest Britain*. — Toronto: Pontifical Inst. of Mediev.Studies, 1996. — 134 p.
10. Gwara, Scott. *Diogenes the Cynic in the Scholastic Dialogues Called De raris fabulis // ANQ: A Quarterly Journal of Short Articles, Notes and Reviews*. Volume 17, Issue 1, 2004. P. 3–6.
11. Gwara, S. & D. W. Porter, eds. *Anglo-Saxon Conversations. The Colloquies of Aelfric Bata*. — Woodbridge: Boydell, 1997. — 208 p.
12. Harris, Stephen J. *Aelfric's Colloquy // Medieval Literature for Children*. Ed.by D. T. Kline. — N.Y.-L. : Routledge, 2003. — P. 112–130.
13. Howlett, D., Harvey A. *An attack on the Welsh master Iorwert // Archivum latinitatis medii aevi*, Bd. 52, 1994. — P. 281–285.
14. Lapidge, M. *Anglo-Latin literature 900-1066*. — L. : Hambldon Pr, 1993. — 506 p.
15. Leach, A. F. *Educational Charters and Documents 598 to 1909*. — L. : The University Press, 1911. — 582 p.
16. Leach, A. F. *Schools of Medieval England*. — L. : Methuen, 1915. — 349 p.
17. Munro, H. A. J., ed. *Aetna*. — Cambridge: Bell, 1867. — 84 p.
18. Stevenson, W.H., ed. *Early Scholastic Colloquies*. — Oxford: AMS Press, 1929. — 115 p.
19. *The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodosipheana*. Vol.1. Ed.by E. Dickey. — Cambridge: CUP, 2012. — 278 p.
20. Throop, Priscilla, trans. *Aelfric's Grammar and Glossary*. Charlotte, VT: MedievalMS, 2008. — 412 p.
21. Winterbottom, M. *On the Hisperica Famina // Celtica*, 8, 1968. P. 126–139.
22. Zupitza, Julius. *Ælfrics Grammatik und Glossar*. — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1880. — 343 S.